

*Эта книга посвящается Линде Моррис и Элайн Петерсон
за их трудолюбие, доброту и порядочность.
И разумеется, за выявленную ошибку, которую я допускаю раз в год
и которая, оставленная, могла бы замарать
мой безупречный послужной список.
И за сокрытие от меня истинной причины,
по которой они остаются в нашем доме, гарантируя,
что мисс Трикси всегда почешут животик,
если она того заслуживает.*

В кабине самолета пилот держит в своих руках жизни тех, кто летит с ним, его глаза широко раскрыты, залитые лунным светом.

Антуан де Сент-Экзюпери. Ночной полет

Жизнь не имеет смысла, если не мерить ее ответственностью.

Рейнхольд Нибур

Бери меня за руку, крепко держи.
Тебя не оставлю в несчастье и лжи,
А если я вдруг подведу — так пылай,
Душа моя, в адском огне, и пускай
Сгорит она в бездне, себе на беду.
Держи меня за руку — не подведу.

Книга сосчитанных печалей

Глава 1

Незадолго перед тем, как его отключили ударом по голове и привязали к стулу, прежде чем ввели ему в вену, против его воли, неизвестную субстанцию, прежде чем он открыл для себя, что мир полон загадочности, существование которой он и представить себе не мог, Дилан О'Коннер вышел из номера мотеля и направился к расположенному по другую сторону дороги ярко освещенному ресторану быстрого обслуживания, чтобы купить чизбургеры, картофель фри, пирожки с яблочной начинкой и ванильный молочный коктейль.

Ушедший день лежал, закатанный в асфальт. Невидимый, он все равно давал о себе знать, его призрак разгуливал по аризонской ночи: горячая душа поднималась с каждого квадратного дюйма, которые пересекал Дилан.

Здесь, на окраине города, обслуживающего путешественников с проходящей мимо национальной автострады, множество огромных многоцветных вывесок зазывали клиентов. Но несмотря на источаемый ими свет, звезды все равно сверкали от горизонта к горизонту в чистом и сухом воздухе. А по звездному океану, держа курс на запад, величественно плыла круглая, словно корабельный штурвал, луна.

Бескрайние просторы над головой казались чистенькими и полными надежд, а вот земля под ногами выглядела пыльной и утомленной. И ночь, вместо одного ветра, подметали

множество ветерков, каждый с уникальным запахом и шепчущий что-то свое. «Благоухающий» пылью пустыни, пылью кактусов, выхлопами дизельных двигателей, горячим асфальтом, воздух сгущался по мере приближения Дилана к ресторану, пропитываясь запахами долго используемого масла для жарки, жира гамбургеров, дымящегося на гриле, жареного лука, по плотности приближаясь к черному туману.

Если бы он более-менее знал этот город, если бы не устал после долгого, проведенного в дороге дня, если бы его младший брат, Шеперд, не увлекся пазлом, Дилан наверняка поискал бы ресторан с более здоровой пищей. Но Шеп в настоящий момент не мог общаться с людьми, а пребывая в таком состоянии, ел только пищу с высоким содержанием жира.

Внутри ресторан освещался еще ярче, чем снаружи. В большинстве своем поверхности сияли белизной, и, несмотря на пропитанный жиром воздух, все помещение чистотой могло соперничать с операционной.

Современная культура подходила Дилану О'Коннеру, как трехпалая перчатка, здешний ресторан относился к тем заведениям, где перчатка эта начинала жать. Он полагал, что гамбургерная забегаловка должна выглядеть как забегаловка, а не навевать мысли о хирургии или походить на детскую с картинками клоунов и забавных животных по стенам, не должна имитировать бамбуковый павильон на тропическом острове или представлять собой сверкающую пластиком копию придорожного ресторана 1950-х годов, каких никогда не было. Если уж ты хочешь есть зажаренную котлету из говядины, сочащуюся жиром, если хочешь грызть ломтики картофеля, которые после пребывания в кипящем масле хрустят, как древний папирус, если хочешь запивать все это ледяным пивом или молочным коктейлем, в котором калорий никак не меньше, чем в поджаренной целиком свинье,

то потреблять такую пищу надобно в неухоженном месте, однозначно указывающем на то, что это запретное удовольствие, а возможно, и грех. Свет должен быть приглушенным и теплым. Поверхности — темными, предпочтение Дилан отдавал красному дереву, потускневшей бронзе, обивке цвета красного вина. И музыка должна успокаивать желание нажраться от пуза, а не разжигать аппетит, исполняемая музыкантами, которые сидят на прозаке и при этом извлекают из своих инструментов звуки такие же плотские, как еда. Нет, тут подошел бы ранний рок-н-ролл или свинг в исполнении больших оркестров, а может, хорошая музыка стиля кантри, что-нибудь об искушении, угрызениях совести и любимых собаках.

Тем не менее он пересек выложенный керамической плиткой пол, направляясь к прилавку из нержавеющей стали, за которым его поджидала полная женщина с седыми волосами, чистенькая, в полосатой розово-белой униформе, вылитая миссис Санта-Клаус. Он бы нисколько не удивился, увидев выглядывающего из ее нагрудного кармана эльфа.

В стародавние времена за прилавками ресторанов быстрого обслуживания стояли исключительно подростки. Однако в последние годы все более значительное количество юношей и девушек полагали такую работу зазорной для себя, и на их место пришли пенсионеры, ищущие возможности обеспечить себе прибавку к социальному пособию по старости.

Миссис Санта-Клаус приняла заказ Дилана, назвала его «дорогой», сложила все, что он хотел приобрести, в два белых бумажных пакета, перегнулась через прилавок, чтобы прикрепить к его рубашке круглый значок-пуговицу очередной рекламной кампании. Значок украшали слоган «FRIES — NOT FLIES» и улыбающаяся зеленая мордашка мультяшной

жабы, отказ которой от традиционного рациона своих братьев и сестер в пользу таких деликатесов, как чизбургеры с беконом весом в полфунта и являлся основой текущей рекламной кампании сети ресторанов быстрого обслуживания.

Вновь Дилан почувствовал на своей руке трехпалую перчатку: никак он не мог понять, зачем ему мнение муляжной жабы, или спортивной знаменитости, или даже лауреата Нобелевской премии, когда вставал вопрос, а что ему съесть на обед. Более того, он не понимал, почему рекламный слоган, сообщающий о том, что приготовленный в ресторане картофель фри вкуснее мух, должен повлиять на его выбор. Он и по запаху знал, что обжаренные в масле ломтики картофеля лучше даже целого пакета насекомых.

Но претензии к жабе он оставил при себе еще и потому, что в последнее время начал замечать: многие пустяки вызывают у него раздражение. И понимал: если не станет более терпимым, то к тридцати пяти годам определенно превратится в грубияна, которых и так хватало вокруг. Он улыбнулся миссис Санта-Клаус и поблагодарил ее, чтобы не портить себе следующее Рождество.

Выйдя из ресторана под большую луну, пересекая три полосы шоссе на пути к мотелю, с двумя пакетами, наполненными несколькими видами ароматного холестерина, Дилан напомнил себе, что среди прочего должен быть благодарен если не Богу, то природе за хорошее здоровье, крепкие зубы, густые волосы, молодость. Ему исполнилось только двадцать девять. Он был талантливым художником, и работа его приносила людям радость, а ему доставляла наслаждение. И хотя богатство ему не грозило, он достаточно часто продавал свои картины, чтобы оплачивать текущие расходы и каждый месяц пополнять на небольшую сумму свой банковский счет. Лицо его не обезображивали шрамы, он не страдал грибковым заболеванием, ему не досаждал злобный

брат-близнец, у него не бывало приступов амнезии, после которых он приходил бы в себя с окровавленными руками.

И у него был Шеперд. Благословение и проклятие одновременно. Когда Шеп был в хорошей форме, Дилан радовался тому, что он жив и у него есть такой брат.

Под красной неоновой вывеской «Мотель» черная тень Дилана проследовала по подкрашенному красным асфальту. Далее он зашагал по бетонным дорожкам, ведущим к номерам мотеля и петляющим между саговых пальм, мясистых кактусов и декоративных кустов, растущих в условиях пустыни. А вот когда миновал жужжащие и мягко щелкающие автоматы, торгующие прохладительными напитками, глубоко погруженный в мысли о семейных узлах, его уже преследовали. И действовал преследователь очень профессионально: синхронизировал с жертвой как шаги, так и дыхание. У двери своего номера, держа два пакета в одной руке, а второй выуживая из кармана ключ, Дилан наконец-то услышал издававший преследователя шорох кожаной подошвы о бетон. Повернул голову, скосил глаза, увидел бледное круглое лицо, скорее почувствовал, чем увидел, как что-то по дуге сближается с его черепом.

Как ни странно, удара он не почувствовал, не понял, что падает. Услышал, как зашуршали бумажные пакеты, унюхал жареный лук, теплый сыр, нарезанные маринованные огурчики, осознал, что лежит на бетоне лицом вниз. Оставалось лишь надеяться, что он не разлил молочный коктейль Шеппа. А потом перед ним заплясали ломтики картофеля фри.

Глава 2

У Джулиан Джексон было любимое домашнее растение, денежное дерево, и она ухаживала за ним с нежной заботой. Кормила тщательно подобранной смесью питательных веществ в рекомендованных руководствами по уходу за растениями количествах, регулярно опрыскивала водой мясистые, овальной формы, размером с большой палец листья, чтобы смыть с них пыль и сохранить зеленый блеск.

В тот пятничный вечер она ехала из Альбукерке, штат Нью-Мексико, в Финикс, штат Аризона, где на следующей неделе должна была дать три концерта. Джилли сама вела машину, потому что у Фреда отсутствовало как водительское удостоверение, так и конечности, необходимые для управления транспортным средством. Как ни крути, Фред был всего лишь денежным деревом.

Темно-синий «кадиллак-девилль» модели 1956 года был ее любовью на всю жизнь, Фред это понимал и благородно с этим мирился, но он сам, *Crassula argentea* (так Фреда звали при рождении), занимал в списке ее привязанностей почетное второе место. Джилли купила его, когда он представлял собой росток с четырьмя короткими ветками и шестнадцатью толстыми, упругими, как резина, листьями. Торчал из черного пластикового горшка диаметром три дюйма, был клейким на ощупь и выглядел не крошечным и одиноким, но отважным и решительным. Теперь же благодаря ее неж-

ной заботе он подрос до доброго фута, а диаметр его кроны составлял восемнадцать дюймов. Проживал он уже в двенадцатидюймовом терракотовом горшке, а весил, с учетом горшка и земли, двенадцать фунтов.

Из пенопласта Джилли соорудила подставку, отдаленно напоминающую сиденье-пончик, которым обеспечивают в больнице пациентов, перенесших хирургическую операцию по поводу геморроя. Подставка эта не позволяла дну горшка портить обивку пассажирского сиденья и при движении удерживала Фреда в вертикальном положении. В 1956 году «девилль» не комплектовали ремнями безопасности, не было такого ремня и у Джилли, когда она родилась в 1977-м. Однако она снабдила такими ремнями и себя, и Фреда. Поставленный на подставку, привязанный к сиденью, Фред не мог пожаловаться на пренебрежение хозяйки к его безопасности. Ни одно денежное дерево не могло рассчитывать на большее, путешествуя по пустынным районам Нью-Мексико со скоростью восемьдесят с небольшим миль в час.

Расположившись чуть ниже уровня окон, Фред, конечно, не мог оценить красот пустыни, но Джилли подробно рассказывала ему обо всем, что видела перед собой и по сторонам.

Ей нравилось упражнять язык и оттачивать умение описывать увиденное. Если бы ей не удалось конвертировать выступления в сомнительных коктейль-холлах и второразрядных клубах в карьере первоклассного комика, у нее имелся и запасной вариант: начать писать романы-бестселлеры.

Даже в самые трудные времена большинство людей сохраняли надежду на лучшее, но Джулиан Джексон настаивала на том, что надеяться нужно всегда, черпала из надежды не меньше сил и энергии, чем из еды. Три года тому назад, когда она работала официанткой, делила квартиру с тремя другими молодыми женщинами, чтобы уменьшить расходы, ела лишь дважды в день, ее бесплатно кормили в ресторане,

где она обслуживала клиентов, до того, как первый раз получила приглашение выйти на сцену, надежда циркулировала в ее крови точно так же, как эритроциты, лейкоциты или тромбоциты. Некоторых людей такие грандиозные планы могли напугать, но Джилли верила, что надежда и трудолюбие принесут ей все, чего она хотела.

Все, кроме достойного мужчины, мужчины ее мечты.

И теперь, когда уходящий день медленно, но верно катился к вечеру, по пути из Лос-Лунаса в Сокорро, от Сокорро в Лас-Крусес, во время долгого ожидания на таможенном пункте к востоку от Акелы, где в этот день инспектора отнеслись к своей работе с куда большей серьезностью, чем в предыдущие и, скорее всего, во многие последующие, Джилли думала о мужчинах в своей жизни. Романтические отношения у нее были только с тремя, но теперь она полагала, что именно с этими тремя мужчинами каких-либо отношений она могла и избежать. Далее дорога привела ее в Лордсбург, к северу от Пирамидальных гор, в Роуд-Форкс, штат Нью-Мексико, потом она пересекла границу штата, продолжая размышлять о прошлом, стараясь понять, где она поступила неправильно в каждом из вышеупомянутых случаев романтических отношений.

Соглашаясь всякий раз признать в разрыве свою вину, она тем не менее продолжала анализировать собственное поведение с тщательностью специалиста саперного полицейского подразделения, решающего, какой проводок нужно перерезать, чтобы предотвратить взрыв заложенной бомбы, и приходила к выводу, далеко не впервые, что в основном вина за разрыв лежала не на ней, а на этих слабаках-мужчинах, которым она доверилась. Они были предателями. Обманщиками. Она подвергала все свои аргументы сомнению, смотрела на мужчин через самые розовые очки, но они все равно оставались свиньями, тремя маленькими поросятами,

которые демонстрировали все худшие свинские черты и ни одной лучшей. Если бы большой злой волк показался у дверей их соломенного домика, соседи бы только порадовались, увидев, как он, дунув, разнес домик по соломинкам, а потом предложили бы ему хорошего вина, чтобы запить сытный обед.

— Я злобная, мстительная сука, — заявила Джилли.

Своим деликатным, дружелюбным молчанием Фред с ней не согласился.

— Встречу ли я когда-нибудь достойного мужчину? — задалась она вопросом.

И хотя Фред обладал целым букетом положительных качеств: терпеливостью, спокойствием, никогда не жаловался, умел слушать и сочувствовать, как никто другой, не говоря уже о крепкой и здоровой корневой системе, он никогда не причислял себя к ясновидящим. И не мог знать, придет ли день, когда Джилли встретит достойного мужчину. Фред верил: чему быть, того не миновать. Как и другим представителям живой природы, лишенным собственных средств передвижения, ему не оставалось ничего другого, как полагаться на судьбу и надежду на лучшее.

— Разумеется, я встречу достойного мужчину, — решила Джилли со столь характерным для нее внезапным всплеском надежды. — Я встречу не одного достойного мужчину, десятки, сотни. — Меланхолический вздох сорвался с ее губ, когда она нажала на педаль тормоза, реагируя на транспортную пробку, возникшую на западных полосах автострады 10. — Вопрос не в том, встречу ли я действительно достойного мужчину. Вопрос в том, сумею ли я распознать его, если он прибудет не в окружении ангелов и без вспыхивающего над головой нимба: «ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ, ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ, ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ».

Джулиан не увидела улыбки Фреда, но почувствовала ее, двух мнений тут быть не могло.

— Нет, нужно смотреть фактам в лицо, — простионала она. — Когда дело доходит до мужчин, я такая наивная и меня легко сбить с толку.

Фред узнавал правду, когда слышал ее. Мудрый Фред. Спокойствие, с которым он встретил признание Джилли, кардинально отличалось от молчаливого несогласия, которое он выражал, слыша, как его хозяйка называет себя злобной, мстительной сукой.

Автомобили встали.

Королевски-пурпурные сумерки и начало ночи они провели в еще одной длинной очереди, на этот раз у Аризонской станции контроля сельскохозяйственной продукции, расположенной восточнее Сан-Симона, на которой в тот день работали правоохранительные ведомства не только штата, но и федеральные. Помимо сотрудников Министерства сельского хозяйства, автомобили досматривали несколько агентов в штатском с колючими взглядами, определенно из организации, которая лишь в малой степени интересовалась плодоовощной продукцией, и искали они что-то более вредное, чем плодую мушку в контрабандных апельсинах. Во всяком случае, автомобиль Джилли они обыскивали так, будто не сомневались, что она везет с собой пару пистолетов и автомат, засунутые под переднее сиденье, и на Фреда поглядывали очень уж подозрительно, предполагая его ближневосточное происхождение, радикальные политические взгляды и злые намерения.

Но даже эти суровые мужчины, имеющие основания видеть в каждом путешественнике злодея, не могли долго считать таковым и Фреда. Они отступили и взмахами рук предложили «девиллю» проследовать через контрольно-пропускной пункт.

Поднимая стекло и придавив педаль газа, Джилли сказала: «Хорошо, что они не бросили тебя в кутузку, Фред-

ди. С деньгами у нас напряженно, на залог могло бы и не хватить».

С милю они проехали в молчании.

Призрачная луна, словно гигантское бельмо, поднялась еще до захода солнца. Теперь же, с наступлением ночи, циклопический глаз заметно прибавил в яркости.

— Может, беседа с растением — это уже не эксцентричность, — размышляла Джилли. — Может, у меня поехала крыша.

К северу и югу от автострады лежала темная пустыня. Холодный лунный свет не мог разогнать печаль, в которую она погрузилась после захода солнца.

— Извини, Фред. Нехорошо так говорить.

Маленькое денежное дерево, при всей его гордости, умело прощать. Трое мужчин, с которыми Джилли познавала, как выяснилось, темную сторону романтики, без промедления извратили бы любую, самую невинную фразу, использовали бы против Джилли, с тем чтобы вызвать у нее чувство вины, а себя представить страдающей жертвой ее нереальных ожиданий. Фред, благослови его господи, никогда не играл в такие игры.

Какое-то время они ехали в дружеской тишине, экономия топлива за счет разрежения воздуха в «мешке», который образовался за громадным, несущимся на полной скорости «петербилтом». Судя по надписям на задних дверях трейлера, он вез мороженое людям, мучившимся от жары к западу от Нью-Мексико.

Когда они подъехали к городу, сверкающему вывесками мотелей и заправочных станций, Джилли свернула с автострады. На бензозаправке залила полный бак. Чуть дальше, на той же улице, купила обед в ресторане быстрого обслуживания. Седовласая женщина, стоявшая за прилавком, милая и веселая, словно бабушка из диснеевского фильма

1960-х годов, настояла на том, чтобы прикрепить к блузке Джилли значок-пуговицу с улыбающейся жабой.

Ресторан показался Джилли таким чистым, что в зале вполне могли бы провести операцию коронарного шунтирования в том случае, если бы у кого-нибудь из пациентов, откушавших двойной чизбургер с беконом, холестериновые бляшки полностью заблокировали бы пару-тройку артерий. Однако одной только чистоты не хватило, чтобы побудить Джилли пообедать за одним из маленьких пластиковых столиков под таким ярким светом, что он мог вызвать генетические мутации.

На автостоянке в «девилле» Джилли ела куриный сэндвич и картофель фри и вместе с Фредом слушала свое любимое ток-шоу, основными темами которого были визуальные наблюдения НЛО, встречи со злыми инопланетянами, охочими до земных женщин, снежный человек (плюс недавно увиденный детеныш, маленький снежный человечек), путешественники во времени из далекого будущего, которые построили пирамиды по неизвестным, но, несомненно, не сулящим ничего хорошего человечеству причинам. В тот вечер ведущий ток-шоу, Пэриш Лантерн, с характерным прокуренным голосом, и его слушатели обсуждали угрозу, которую несли с собой высасывающие мозги пиявки, попадающие в наш мир из параллельной реальности.

Никто из слушателей, которые звонили в студию, ни слова не говорил о фанатичных исламских радикалах, готовых уничтожить цивилизацию ради того, чтобы править миром, что, безусловно, радовало. Угнездившись на затылочной доле, мозговая пиявка вроде бы устанавливала контроль над человеком-пленником, овладевала его разумом, использовала его тело как собственное. Эти существа наверняка были склизкими и отвратительными, но Джилли успокаивалась, слушая, как Пэриш и слушатели его передачи обсуждают их. Даже если мозговые пиявки существовали на самом деле, во

что она не могла заставить себя поверить, их она, по крайней мере, понимала: генетически заложенную в них программу покорять другие существа, паразитическую натуру. С другой стороны, человеческое зло редко, а может, и никогда не находило простого биологического объяснения.

Фреду недоставало мозга, который мог бы послужить кондоминиумом для пиявки, поэтому он слушал передачу, не опасаясь за собственную безопасность.

Джилли думала, что перерыв на обед освежит ее, но, покончив с едой, поняла, что усталость никуда не делась. Ее ждала четырехчасовая поездка по пустыне до Финикса, часть пути предстояло проехать в компании с параноидальными, но успокаивающими фантазиями Пэриша Лантерна. Учитывая навалившуюся сонливость, она могла просто слететь с трассы.

Через лобовое стекло Джилли увидела мотель на другой стороне дороги.

— Если они не разрешают брать в номер домашних любимцев, я пронесу тебя тайком, — пообещала она Фреду.

Глава 3

Складывание картинка-головоломки — один из способов времяпрепровождения для человека, страдающего психическим расстройством и, соответственно, подверженного острым и неконтролируемым приступам навязчивости.

Трагическое душевное состояние Шеперда наделяло его огромным преимуществом, когда он полностью сосредотачивался на пазле. В настоящее время он собирал картинку японского храма синто, окруженного вишневыми деревьями.

И хотя начал собирать ее, состоящую из двух с половиной тысяч элементов, лишь после того, как он и Дилан вселились в номер мотеля, более трети элементов уже заняли положенные им места. Покончив с четырьмя углами, Шеп решительно продвигался к центру картинка.

Мальчик, Дилан по-прежнему воспринимал своего брата как мальчика, пусть Шепу перевалило за двадцать, сидел за столом, освещенный настольной лампой. Левую руку он приподнял, и кисть постоянно колыхалась, словно он махал ею своему отражению в зеркале, что висело над столом. Но на самом деле его взгляд перемещался лишь от картинка-головоломки к элементам пазла, лежавшим в коробке. Скорее всего, он понятия не имел о движениях левой кисти, не контролировал ее.

Тики, подергивания и другие причудливые повторяющиеся движения являлись симптомами состояния Шепы.

Иногда он застывал, как бронзовая отливка, оставался неподвижным, словно мраморный памятник, забывал даже моргать, но куда как чаще часами дергал или шевелил пальцами, покачивал ногой, положенной на другую ногу, или выбивал подошвами чечетку.

Дилан, с другой стороны, был так крепко привязан к стулу с прямой высокой спинкой, что не мог ни махнуть рукой, ни покачнуться, ни даже повернуться. Многие и многие слои изоляционной ленты шириной в дюйм охватывали его лодыжки, намертво привязав их к передним ножкам стула. Такая же лента обеспечивала не менее надежный контакт его запястий и предплечий с подлокотниками стула. Правую руку привязали ладонью вниз, левую — вверх.

Пока он был без сознания, в рот ему запахнули кусок какой-то материи. Губы запечатали все той же изоляционной лентой.

Дилан очнулся лишь две или три минуты тому назад и еще не мог соединить те кусочки зловещего пазла, который открылся его глазам. Представить себе не мог, кто на него напал и почему.

Дважды, когда он пытался развернуться, чтобы посмотреть на две кровати и ванную, находившиеся у него за спиной, тычки в голову, нанесенные его врагом, сводили любопытство на нет. Легкие тычки, но по тому месту, которое недавно подверглось куда более сильному воздействию, так что оба раза Дилан едва не терял сознание. К сожалению, Шеп не воспринял бы ни громкого, во всю мощь легких, крика, ни шепота. Даже в лучшие свои дни он редко реагировал как на Дилана, так и на кого-то еще, а уж в те моменты, когда он собирал пазл, этот мир становился для него куда менее реальным, чем двухмерная наборная картинка-головоломка.

Не дергающейся правой рукой Шеп брал из коробки амбиподобный картонный элемент, смотрел на него, откладывал в сторону. Тут же брал другой, мгновенно находил мес-

то для него, устанавливал, потом второй, третий, и все это за полминуты. Он, похоже, не сомневался, что, кроме него, в комнате никого нет.

Сердце Дилана колотилось о ребра с такой силой, словно проверяло прочность их конструкции. Каждый удар отдавался болью в той части черепа, на которую пришелся оглушивший его удар. Он балансировал на грани обморока, кляп во рту пульсировал прямо-таки как живое существо, усиливая и без того подкатывающую к горлу тошноту.

Испуганный до невероятности — вроде бы такие крупные парни, как Дилан, просто не могли пугаться до такой степени, — нисколько не стыдясь своего страха, полностью признавая, что он превратился в большого перепуганного мальчика, Дилан твердо знал только одно: двадцать девять лет — слишком юный возраст для смерти. Впрочем, будь ему девяносто девять, он бы с пеной у рта доказывал, что средний возраст начинается за пределами первых ста лет.

Смерть никогда не привлекала его. Он не понимал тех, кто увлекался готической субкультурой и искал романтического отождествления с живыми мертвецами, не находил в вампирах ничего сексуального. Гангста-рэп, с его восхвалением убийств и жестокости по отношению к женщинам, не заставлял его ноги пускаться в пляс. Он не любил фильмов, основными сюжетными линиями которых являлись потрошение и обезглавливание людей. Помимо прочего, они определенно портили вкус попкорна. Он полагал, что никогда не встанет на путь хиппи. Его судьба — навечно оставаться консервативным, как подсоленный крекер. Но перспектива навечно остаться консервативным нисколько не волновала его, в отличие от другой перспективы: умереть здесь и сейчас.

Пусть испуганный, он тем не менее не расставался с надеждой. Если бы нападавший намеревался убить его, он бы уже остывал и температура тела стремилась к температу-

ре воздуха в номере. Но его связали и вставили в рот кляп, следовательно, нападавший строил в отношении его другие планы.

Первой пришла мысль о пытках. Но Дилан никогда не слышал о том, чтобы людей пытали до смерти в номерах сети мотелей, накрывшей всю страну, во всяком случае, регулярно такого не случалось. Психопаты-убийцы, должно быть, чувствовали себя неуютно, занимаясь своим кровавым делом в местах, где одновременно мог проходить конгресс ротарианцев. За долгие годы странствий его жалобы на условия проживания в мотелях этой сети ограничивались исключительно плохой уборкой, забывчивостью портье, не будивших его в нужное время, да отвратительной едой в кафетериях. Тем не менее, как только пытка открыла дверь и вошла в его разум, она выдвинула из-под стола стул, села и, похоже, не желала уходить.

Дилана несколько успокаивал и тот факт, что оглушивший его незнакомец не тронул Шеперда. Не стал ни обездвигивать его, ни засовывать в рот кляп. Из этого следовало, что злодей, кем бы он ни был, правильно оценил психическое состояние Шеперда и понял, что увлеченный пазлом юноша не представляет никакой угрозы.

Истинный социопат все равно избавился бы от Шепы или ради удовольствия, которое доставляло ему любое убийство, или для того, чтобы не допускать отклонений от лелеемого образа беспощадного убийцы. Маньяки, скорее всего, как все современные американцы, не сомневались, что поддержание высокой самооценки — непрменный атрибут крепкого психического здоровья.

Всё новые элементы картинки вставляли на место, каждый с ритуальным кивком и придавливанием большим пальцем правой руки. Шеперд с невероятной скоростью заполнял пустующее пространство, добавляя по шесть-семь элементов в минуту.

Затуманенный взор Дилана очистился, стремление вырвать исчезло. Обычно такие изменения поднимали ему настроение, но на этот раз он понимал, что настроение у него не поднимется до тех пор, пока он не узнает, чего от него хотят и кто хочет.

Гулко бьющееся сердце и гудение от ускоренного потока крови через барабанные перепонки создавали фон, который заглушал негромкие звуки, издаваемые незванным гостем. Возможно, этот парень ел принесенный им, Диланом, обед... или подготавливал к работе бензопилу, прежде чем включить ее.

Дилан сидел под углом к зеркалу, висевшему над столом, поэтому мог видеть отражение только части находившейся за ним комнаты. Наблюдая за братом, за огромной картинкой-головоломкой, краем глаза он улавливал движение в зеркале, но, когда поворачивал глаза, фантом исчезал из поля зрения.

Когда нападавший вышел из-за спины и позволил разглядеть себя, угрозы в нем было не больше, чем в пятидесятилетнем или чуть старше хормейстере, который получал истинное наслаждение, слушая, как вверенный ему хор слаженно исполняет церковные псалмы. Покатые плечи. Приличный животик. Редеющие седые волосы. Маленькие, аккуратные уши. Розовое, полное лицо, миролюбивое, как буханка белого хлеба. В выцветших синих глазах читалось сочувствие, они открывали душу слишком кроткую, чтобы в ней родилась хотя бы одна злобная мысль.

Он являл собой тип классического антизлодея, на губах играла добрая улыбка, в руке он держал гибкую резиновую трубку. Напоминающую змею. Длинной в два или три фута. Не такой уж и страшный предмет в сравнении, скажем, с ножом, обладающим острым как бритва выкидным лезвием. Но если нож с выкидным лезвием можно было использовать для того, чтобы очистить яблоко от кожуры, в этот кри-

тический момент Дилан не смог сообразить, какое столь же невинное занятие нашлось бы для резиновой трубки диаметром в полдюйма.

Богатое воображение, которое помогало Дилану в его творчестве, нарисовало только две абсурдные картинки: принудительное кормление через нос и колоноскопия, которая проводилась определенно не через нос.

Его тревога не утихла, когда он понял, что резиновая трубка — жгут. Теперь он знал, почему его левая рука зафиксирована ладонью вверх.

Когда он запротестовал сквозь пропитавшийся слюной кляп и изоляционную ленту, голос его прозвучал столь же ясно и отчетливо, как и голос заживо погребенного человека, доносящийся из-под крышки гроба сквозь шестифутовый слой земли.

— Спокойно, сынок. Спокойно, — заговорил незванный гость не грубым и хриплым голосом ночного налетчика-убийцы, а мягко и сочувственно, как сельский доктор, готовый вылечить пациента от любой болезни. — Все у тебя будет хорошо.

И одет он был как сельский доктор, реликт давно ушедшего века, который Норман Рокуэлл запечатлел в обложечных иллюстрациях «Сэтедей ивнинг пост». Его туфли из кордобской кожи блестели, коричневато-желтые брюки висели на подтяжках. Пиджак он снял, рукава рубашки закатал, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ослабил узел галстука, не хватало только болтающегося на груди стетоскопа, чтобы получить законченный образ сельского доктора, приехавшего на один из последних за день домашних вызовов, доброго лекаря, которого все знают исключительно как Дока.

Рубашка Дилана с коротким рукавом упростила наложение жгута. Резиновая трубка, завязанная узлом на левом бицепсе, тут же привела ко вздутию вены.

Легонько похлопав пальцем по увеличившемуся в размерах кровяному сосуду, Док пробормотал: «Прекрасно, прекрасно».

Вынужденный вдыхать и выдыхать исключительно через нос — рот запечатали кляп и изоляционная лента, — Дилан мог слышать унижительные свидетельства своего нарастающего страха: свистящее дыхание его становилось все более громким и частым.

Ватным шариком, смоченным в медицинском антисептическом растворе, доктор протер нужную ему вену.

Шеп, одной рукой приветствующий неизвестно кого, а второй устанавливающий элемент за элементом в картинку-головоломку, улыбающийся незванный гость, готовящий пациента к инъекции, мерзкий вкус кляпа во рту, резкий запах спирта, давление изоляционной ленты на лодыжки и запястья, все пять чувств Дилана участвовали в фиксации происходящего вокруг, поэтому не имело смысла тешить себя мыслью о том, что это сон. Тем не менее Дилан не раз и не два закрывал глаза и мысленно щипал себя... однако, вновь открыв их, начинал дышать еще чаще, поскольку кошмар оборачивался реальностью.

Шприц, конечно же, не мог быть столь огромным, каким казался. Инструмент таких размеров следовало использовать для инъекций слонам или носорогам, но никак не людям.

Прижав подушечкой большого пальца правой руки свободный торец поршня, Док надавил на него, выгоняя из иглы воздух, крепко держа шприц за цилиндр. Тоненькая золотистая струйка сверкнула в свете настольной лампы.

С глухими протестующими криками Дилан пытался расорвать путы, раскачивая стул из стороны в сторону.

— Так или иначе, — добродушно заметил доктор, — я намерен сделать вам укол.

Дилан решительно замотал головой.

Кунц Д.

К 91 При свете луны : роман / Дин Кунц ; пер. с англ. В. Вебера. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 480 с. — (The Big Book. Дин Кунц).

ISBN 978-5-389-16335-5

Жаркой аризонской ночью Дилан О'Коннер, путешествующий по Америке вместе со своим младшим братом-аутистом Шепом, делается жертвой безумца, вколовшего Дилану неизвестный препарат. Еще одной жертвой становится Джулиан Джексон, странствующая актриса. О препарате им известно лишь то, что введенная маньяком субстанция полностью переменит их жизнь и судьбу — если не убьет в течение суток. Или если их не убьют преследователи, охотящиеся за инъецированными людьми. Драгоценное время истекает, и единственный для них шанс выжить — понять значение слов, которые повторяет и повторяет Шеп: о таинственном человеке, делающем свою работу при свете луны...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДИН КУНЦ
ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Лариса Ершова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.03.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 30.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

И-КВВ-24777-01-Р